Дмитрий Николаевич Копелев

УДК 291.7

д. ист. н., доцент, факультет социальных наук
РГПУ им. А. И. Герцена
(набережная р. Мойки, д. 48/20а, Санкт-Петербург, Россия, 191186)
kopelll07@list.ru

Сотворение врага: убийства в Блуа и десакрализация короля Генриха III

Исследуя обстановку, сложившуюся во Франции эпохи гугенотских войн после убийства лидера Католической лиги герцога де Гиза в декабре 1589 г., автор анализирует механизмы зарождения стратегий информационных войн и выявляет различные аспекты проведения пропагандистских компаний по дискредитации королевской власти. С одной стороны, в результате агрессивной и сокрушительной визуальной, виртуальной и печатной атаки на организатора покушения короля Генриха III пошатнулись сами основы монархии, а фигура правителя приобрела аллегорический образ вселенского зла. С другой стороны, акценты политической войны начинала задавать новая «мистическая» сила — общественное мнение. Происшедший в 1589 г. в Париже ментальный взрыв с его инфернальностью и эсхатологическими страхами оказался одним из первых проявлений новой информационной данности. Эти тенденции все более радикализировались, приведя к масштабным пропагандистским компаниям по дискредитации и свержению Старого режима и династии.

Ключевые слова: позднее Средневековье, Франция, раннее Новое время, религиозные войны, католики, гугеноты, королевский двор, герцог де Гиз, Католическая Лига, пропаганда, сатира, общественное мнение, радикализация, инфернальность, эсхатологические страхи

Dmitrii Nikolaevich Kopelev

Doctor in History, professor,
Herzen State Pedagogical University of Russia
(naberezhnaya reki Moiki, 48/20a, Saint-Petersburg, Russia,191186)
kopelll07@list.ru

Creation of an Enemy: Assassinations in Blois and Desacralization of Henrich III

Investigating the situation in France in the period of the Huguenot Wars after the assassination of the leader of the Catholic League of France, Henry I, Duke of Guise, the author analyses mechanisms of information wars' genesis and discovers different aspects of campaigns aimed to discredit the Royal power. On the one hand, as a result of aggressive visual, virtual and printed attacks against the organizer of this murder King Henry III, the very basement of the French monarchy reeled, and a figure of the ruler obtained the image of the universal evil. On the other hand, public opinion, a new «mystical» force, that was able to threw the earth power and open a rode for a tyrannicide, started to influence on political war. Transformation of the idea of an enemy into the instrument of ideological and political struggle and debunking of political opponents with help of psychological tools became components of the new political reality. Mental explosion happened in Paris in 1589 with its infernality and eschatological fears that turned the first manifestation on the new information reality. The author discloses tendencies of manipulation of public opinion radicalized in that time and led to the grand-scale propagandist campaigns aimed at discreditation and overthrow the Old Régime and the dynasty.

Key words: late Middle ages, the Early Modern time, France, Wars of Religion, Catholics, Huguenots, Court, duke de Guise, Catholic League, propaganda, political image, satire, public opinion, radicalization, infernality, eschatological fears

В Париже замысел
великого убийства,
Его свершение
произойдет в Блуа
(Нострадамус. Центурия III. 51)*

23 декабря 1588 г. в королевских покоях замка Блуа по приказу короля Генриха III был убит глава католической Парижской Лиги могущественный герцог Генрих де Гиз, на следующий день та же участь постигла его брата кардинала Лотарингского. Когда весть о свершившемся убийстве достигла Парижа, многотысячные толпы заполнили улицы. С зажженными свечами в руках люди медленно шли по городу, а затем, по сигналу, все одновременно задули мерцавшие огоньки. «Пусть так же погасит Господь династию Валуа», — раздавались возгласы. Мир словно перевернулся. На королевскую власть была предпринята беспрецедентная по масштабам психологическая атака, вылившаяся в целый поток политических брошюр, памфлетов, пасквилей, карикатур и афиш, ставший отражением самых разнообразных общественных страхов[1]. В результате агрессивной и сокрушительной печатной кампании король Франции приобрел аллегорический образ вселенского зла — отныне Генрих III превратился в «короля наисатанейшего».

«Монаршия десница»

Справедливо, впрочем, было бы отметить, что личность короля подверглась десакрализации еще задолго до Блуаских убийств. Устранение королем братьев Гизов просто ознаменовало собой некую «вопиющую крайность» его правления, оно словно бы поставило конечную точку в «демоническом» прочтении современниками образа короля — преступного и гнусного правителя, не достойного титула «наихристианнейшего короля». Нет ничего странного, что очерненной предстает фигура короля и в историографической традиции, чересчур буквально воспринимавшей потоки грязи, выливаемые на него

* Перевод Г. В. Копелевой.

[1] Pallier D. Recherches sur l'imprimerie à Paris pendant la Ligue, 1585–1594. Genève, 1975. P. 55.

католиками и гугенотами. В силу специфики исторического анализа, неизменно связанного с временным отстранением от изучаемой эпохи и искажающим безвозвратно утраченные образы, реальные миры прошлого и те миры, которые предстают перед ученым, — это многообразные слепки сосуществующих «действительностей», параллельно живущих в его сознании, «действительностей», полных скрытых политических, культурных и ментальных смыслов. В подобной «действительности» образ «короля наисатанейшего» выходит, разумеется, далеко за рамки прочтения его в духе бинарных противопоставлений. Мы же в данной статье акцентируем внимание именно на этом аспекте мифологизации образа короля, сделав попытку обнаружить следы того, как при помощи виртуальных и визуальных инструментов пропаганды разворачивалась губительная для короля «информационная война» и начал проявлять себя зарождающийся новый феномен истории — «воображаемая власть», или, иначе говоря, общественное мнение.

Генрих III, этот, по словам П. Шевалье, «шекспировский король», — одна из самых сложных и трагических фигур эпохи Возрождения и Религиозных войн. Натура неуравновешенная, он весь был соткан из противоречий[2]. На первый взгляд перед нами предстает утонченный и высокообразованный человек, которого зачастую подводят нервы, склонный к меланхолии и депрессии и, казалось бы, слабовольный, всецело потакающий своим прихотям. При этом элегантном короле-модернике с жеманными манерами, обожавшем комнатных собачек и драгоценности, возвысился французский двор, он упорядочил этикет, до мелочей регламентировав государственную деятельность и придворную жизнь, всячески поощрял карнавалы и празднества. В действительности же образ подобного пышного и сладострастного монарха — лишь одна из его многочисленных масок. Генрих III, известный

[2] Knecht R. J. Hero or Tyrant? Henry III, King of France, 1574–89. Farnham, 2014; Cameron K. Henry III: A Maligned or Malignant King? Aspects of the Satirical Iconography of Henry de Valois. Exeter, 1978; Chevallier P. Henri III, roi shakespearien. Paris, 1985; Potter D. Kingship in the Wars of Religion: The Reputation of Henry III of France // European History Quarterly. 1995. N 25. P. 484–527; Le Roux N. La faveur du roi: Mignons et courtisans au temps des derniers Valois (vers 1547 – vers 1589). Seyssel, 2000.

крайней приверженностью католицизму, был расчетливым, циничным политиком, глубоко осознававшим свой монарший долг и озабоченным престижем королевской власти. Вынужденный искать мира во времена, когда главной ставкой была война, король-христианин был убежден, что управление страной является его первейшей обязанностью, и встал на путь институционального преобразования монархии, консолидируя в своих руках нити управления страной и в абсолютистском духе переосмысливая систему отношений между государем и подданными[3]. Неоплатонические представления Генриха III о природе королевской власти получили символическое воплощение в организации в 1579 г. ордена рыцарей для защиты апостольской римско-католической церкви, получившего название Ордена Св. Духа. По первоначальному замыслу короля новый орден должен был носить имя Феникса, «единственного создания в своем роде, и без всяких изъянов». В андрогинном мифологическом существе, порождавшем самое себя, Генрих III видел олицетворение новой политической гармонии — идеальную монархию, соединявшую божественную и человеческую сущности и утверждавшую величие французского короля, «Феникса среди всех королей мира»[4].

Разумеется, в условиях религиозной войны подобным взглядам было трудно найти поддержку. Неудивительно, что многие ненавидели короля за гордыню и неумеренную любовь к роскоши, а политические противники из обоих лагерей открыто обвиняли его в лицемерии и содомии[5]. После бесконечных оргий его,

[3] Об образе короля см. подробнее: Cameron K. Henry III, the Antichristian king // Journal of European Studies. 1974. Vol. 4. N 2. P. 152–163; Potter D. Kingship in the Wars of Religion: The Reputation of Henry III of France // European History Quarterly. 1995. N 25. P. 484–527; Шишкин В. В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках. СПб., 2004.

[4] Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серегиной. М., 2013. С. 538.

[5] О гермафродитизме короля см. подробнее: Teasley D. The Charge of Sodomy as a Political Weapon in Early Modern France: The Case of Henri III in Catholic League Polemic, 1585–1589 // Maryland Historian. 1987. Vol. 18. N 1. P. 17–30; Cady J. The «Masculine Love» of the «Princes of Sodom» «Practising the Art of Ganymede» at Henri III's Court: The Homosexuality of Henri III and His Mignons in Pierre de L'Estoile's «Mémoires-

словно одержимого, охватывал страх перед Всевышним, он принимался бить поклоны, истово постился, устраивал покаянные шествия в веригах и паломничества к святыням. Подобные интериоризированные формы религиозного служения, почерпнутые из доктрин иезуитов и францисканцев, вызывали острое неприятие у верующих. Распускались слухи, что проповедовавший столь крайние формы презрения к миру король готов отречься от престола и принять монашество. К тому же Генрих III не раз шел на уступки врагам веры, и фанатики-католики все чаще презрительно называли его вероотступником. Ведь король традиционно рассматривался как глава общины верных и был в ответе перед Богом за спасение душ подданных. Религиозные войны увеличили его ответственность, ведь еретики были страшны не сами по себе, а тем, что, попустительствуя им, король вызовет гнев Господний. Его миссия — истреблять вероотступников. Если же король идет на соглашение с врагами веры и заключает договоры с кальвинистами, «он сам может быть заподозрен в пособничестве Зверю»[6].

Твердые католики не могли смириться и с тем, что король, истинный глава французской церкви, не желает мириться с существованием претендующей на политическую независимость Католической Лигой, не признает ее святых целей и не поддерживает вождя лигеров Генриха де Гиза, герцога Лотарингского[7]. Открытая неприязнь к монарху день ото дня

Journaux» // Desire and Discipline: Sex and Sexuality in the Premodern West / Ed. by J. Murray, K. Eisenbichler. Toronto, 1996. P. 123–154; Long K. P. Hermaphrodites in Renaissance Europe. Women and Gender in the Early Modern World. Aldershot, 2006. P. 189–213; Crawford K. From Peception to Assassination. French Negotiations of «Platonic Love» // Men and Women. Making Friends in Early Modern France / Ed. by L. C. Seifert, R. M. Wilkin. Farnham; Burlington, 2015. P. 119–134.

[6] Уваров П. Ю. Новые версии старого преступления // Варфоломеевская ночь: Событие и споры. Сборник статей / Отв. ред. П. Ю. Уваров. М., 2001. С. 17.

[7] О Гизах см. подробнее: Forneron H. Les ducs de Guise et leur époque: étude historique sur le seizième siècle. 2 vol. Paris, 1877; Sedgwick D. The House of Guise. New York, 1938; Constant J.-M. Les Guise. Paris, 1984; Carroll S. Noble Power during the French Wars of Religion. The Guise Affinity and the Catholic Cause in Normandy. Cambridge, 1998; Konnert M. Local

возрастала, что, естественно, было на руку его сопернику, главе влиятельнейшего аристократического клана, опиравшегося на широкую поддержку разветвленной клиентелы и простых французских католиков, видевших в нем настоящего харизматического лидера, вождя «священной войны» против еретиков. Искусный военачальник, герцог де Гиз умело вел сложную игру и умело использовал общественные настроения в стране, жители которой, по словам историка Жака-Огюста де Ту, дышали лишь «мщением, пожаром и убийством»[8]. Один из современников тонко подметил политическую искушенность и ловкость лотарингского герцога: «Когда он не в силах привлечь к себе придворных чем-либо действительным, он привлекает к себе любезными речами; он не упускает случая присутствовать при крещениях в качестве крестного отца, при погребениях или празднествах; всегда вежлив, гуманен, добр, ласкает всех и вся, не отзывается дурно ни о ком, одним словом, обладает вполне блеском и авторитетом короля»[9].

Ситуацию в стране обострял династийный кризис. Поскольку Генрих III не имел прямого наследника, то, согласно Салическому закону, закрепляющему наследование французской короны только по мужской линии, его преемником объявлялся ближайший родственник дома Валуа, первый принц крови протестант Генрих де Бурбон, правивший в Наварре. Потомок шестого сына Людовика IX Святого, Робера Клермонского, принявшего титул сира де Бурбона, Генрих Наваррский после смерти герцога Анжуйского в 1584 г. оказался ближайшим законным наследником престола. Но римская церковь никогда не стала бы короновать главу еретиков, запятнавшего себя войной против католиков.

В подобной ситуации Гизы осторожно напоминали о принадлежности своего рода к королевской фамилии и исподволь

Politics in the French Wars of Religion: The Towns of Champagne, the Duke de Guise and the Catholic League, 1560–95. Aldershot, 2006.

[8] О подготовке Гизами заговора против короля см.: Донесение агента-двойника / Пер. с франц.; Вступительная статья, перевод и примечания П. Ю. Уварова М., 1992.

[9] Цит. по: Лучицкий И. В. Католическая лига и кальвинисты во Франции. Опыт истории демократического движения во Франции во второй половине XVI века (по неизданным источникам). Т. I. Киев, 1877. С. 49, 50.

продвигали идею о смене династии. В строжайшей тайне придворные генеалоги дома Гизов составили для них фамильную родословную. Первые генеалогические изыскания, якобы доказывавшие, что лотарингские герцоги ведут свой род от самого Карла Великого, а значит, имеют законное право занять престол, появились еще во время Итальянских войн при Генрихе II. Валуа же, младшая ветвь Капетингов, по мнению авторов подобных легенд, не более чем потомки Гуго Капета, обманом захватившие французский трон и узурпировавшие в 987 г. власть у Каролингов[10]. Сегодня трудно сказать, действительно ли Генрих де Гиз видел себя будущим правителем Франции и примерял на себя королевскую мантию, однако с королем-узурпатором харизматический лидер лигеров считался все меньше и меньше, полагаясь, по-видимому, на потенциальную поддержку Генеральных штатов, которые могли провозгласить его право наследовать Генриху III. В конечном счете, размышляли идеологи лигеров, не Господь ли определяет тронную преемственность и не мог ли Он в свое время прервать наследственность, передав корону, например, от Меровингов к Каролингам? Механизм передачи короны был разработан еще в 1570-е гг. в записке адвоката Парижского парламента Жана Давида, позже убитого в Риме[11]. Уже после смерти Генриха III о возможности подобного развития событий откровенно поведал анонимный автор одного из лигерских памфлетов под названием «Ослепление и великое заблуждение политиков... которые желают дать Генриху де Бурбону, некогда королю Наварры, корону Франции в связи с так называемой тронной преемственностью». Новый монарх, по его словам, «будет провозглашен и объявлен королем Генеральными штатами, или самыми разумными и лучшими людьми, с миропомазанием, как все короли, начиная с Хлодвига»[12].

[10] Chevallier P. Henri III... P. 654–656.

[11] Мунье Р. Убийство Генриха IV (14 мая 1610) / Пер. с франц. М. Ю. Некрасова; Науч. ред. В. В. Шишкина; Предисл. П. Ю. Уварова. СПб., 2008. С. 132–135.

[12] Вьенно Э. Преимущественное право мужчины и французский дух монарха лилии: Обсуждение Салической правды и создание национального консенсуса во время последней религиозной войны XVI столетия // Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники,

Пиком противостояния короля и герцога стал «день баррикад» в мае 1588 г., когда дерзкий лотарингец, невзирая на запрещение короля, въехал в Париж, где его встретили с невиданным триумфом, тем самым спровоцировав мятеж против Валуа. Униженному монарху пришлось спешно спасаться бегством, его резиденции попали в руки приверженцев Лиги. Сам же герцог поселился в Лувре, словно он и есть настоящий король, и распорядился выставить на продажу королевское имущество, в том числе мебель, личные вещи и библиотеку короля[13].

Король тем временем обосновался в Блуа. Осенью, для решения неотложных дел в королевстве, он созвал здесь Генеральные штаты — хороший предлог, чтобы «заманить» туда герцога и решить исход противостояния. Вынашивая планы вендетты, зажатый в тиски Генрих III одновременно готовил удар по верхушке потенциально опасных оппозиционеров-католиков. Логика происходящих событияй раскрывалась перед ним как дилемма, которую во что бы то ни стало следовало разрешить. На одной чаше весов стояло продолжение беспощадной гражданской войны, в которой он поневоле становится бессильной марионеткой в руках католиков-лигеров, возглавляемых кланом Гизов. В бытность королем Речи Посполитой Генрих III уже переживал подобный политический опыт, подписав «генриховы артикулы» и столкнувшись со шляхетской демократией, ограничивавшей монаршие полномочия. «День баррикад» наглядно продемонстрировал ему возможное повторение краковской истории. Выходом из кризиса должен был стать превентивный удар, или, как его

новые исследования, новая периодизация. СПб.; М., 2015. С. 234, 235. См. также: Bernard G. La Ligue et l'élection du roi (1589–1596): Une doctrine démocratique? // L'illusion démocratique. Actes du Colloque Universitaire du 2 juin 2007. Douzième cahier de l'Association des Amis de Guy Augé. 2008. N 55. P. 31–52; Дмитриев М. В. «Bons et naturels français». Католицизм и дискурсы французской идентичности в годы Парижской лиги // Религиозные войны во Франции... С. 246–248.

[13] Шишкин В. В. Книги Генриха III Валуа в Российской национальной библиотеке // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. А. Ю. Прокопьева. Вып. 12. СПб., 2015. С. 411.

называет И.-М.Берсе, *coup de Majesté*[14] — «монаршия десница» не только покарала бы зарвавшихся заговорщиков, но и позволила бы королю вернуть контроль над событиями и «отделаться от той исторической логики, которая была навязана ему Лигой и лично герцогом Гизом»[15].

Королевская власть располагала, по мнению Генриха III, полным правом нанести решительный удар по врагам и восстановить авторитет монархии. Разве имеют право жалкие лотарингцы вторгаться в промысел «посланника Бога» и, навязывая ему свою волю, разжигать кровавую религиозную рознь, несовместимую с гуманной сущностью ренессансной монархии, мыслимой королем в категориях неоплатонического совершенства.

Генрих III, по-видимому, внимательно изучал наставления Никколо Макиавелли, изложенные в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», в VI главе которых, озаглавленной «О заговорах», флорентийский мыслитель давал важный совет правителям, узнавшим о подготовленном против них покушении: «Не следует обнаруживать свою осведомленность, пока не подготовишь достаточных сил для его подавления»[16]. Король принял решение об устранении герцога де Гиза взвешенно и обдуманно, тщательно разработав подробнейший

[14] Bercé Y.-M. Les coups de majesté des rois de France, 1588, 1617, 1661 // Complots et conjurations dans l'Europe moderne. Actes du colloque international organisé à Rome, 30 septembre – 2 octobre 1993. Rome, 1996. P. 491–505.

[15] Крузе Д. Король и насилие: Из истории французского абсолютизма XVI в. / Пер. с фр. Ю. В. Ткаченко // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005. С. 166–191. См. также: Крузе Д. Монархическая власть и таинство смысла: сообщение о Варфоломеевской резне // Варфоломеевская ночь: Событие и споры. Сборник статей / Отв. ред. П. Ю. Уваров. М., 2001. С. 102–137.

[16] Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма / Пер. с итал. М., 2004. С. 385. О влиянии макиавеллизма на политическую практику французского двора см. подробнее: Dickerman E. H. Henri III of France, Student of Prince // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1978. T. 40. N 2. P. 281–288; Smith M. Complots, révolte et tempéraments nationaux: Français et Italiens au XVIe siècle // Complots et conjurations dans l'Europe moderne. Actes du colloque international organisé par l'École française de Rome (Rome, 30 septembre – 2 octobre 1993) / Éd. Y.-M. Bercé, E. Fascano Guarini. Rome, 1996. P. 93–115.

план убийства. Согласно воспоминаниям Жака-Огюста де Ту, детали покушения на Меченого подозрительный монарх обсуждал только в кругу самых доверенных лиц: маршала Жана д'Омона, камергера Никола д'Анжена, сеньера де Рамбуйе и его брата Луи д'Анжена, Антуана Бришанто, сеньера де Бове-Нанжи, а также герцога де Бельгарда, генерал-полковника корсиканской гвардии Альфонса д'Орнано и государственного секретаря королевского двора Луи де Револя[17]. Принято считать, что непосредственным толчком к принятию окончательного решения об устранении де Гиза стала сообщенная шпионами короля информация о случившемся в Блуа в покоях Гизов, в которых по вечерам собирались их приверженцы. На обеде 17 декабря брат Меченого кардинал Лотарингский якобы с вызовом провозгласил дерзкий тост: «За здоровье моего брата — короля Франции», после чего во всеуслышание добавил: «Валуа место в монастыре — из него выйдет неплохой монах». От этих слов сестра де Гиза, Екатерина-Мария Лотарингская, герцогиня де Монпансье, под общий смех повторила свою общеизвестную шутку о «третьей короне» «брата Генриха Валуа», проявив готовность хоть сейчас собственноручно выстричь монарху тонзуру[18].

На рассвете 23 декабря 1588 г. смертный приговор, вынесенный королем герцогу де Гизу, был приведен в исполнение его телохранителями из числа т. н. «сорока пяти» во главе с гиеньским дворянином Франсуа де Монпеза, бароном де Луаньяком[19].

---

[17] Thou J.-A., de. Histoire universelle depuis 1543 jusqu'en 1607. T. X. 1587–1588. Londres, 1734. P. 449, 450.

[18] Vaissière P., de. Récits du temps des troubles (XVIe siècle). De quelques assassins. Jean Poltrot, Seigneur de Méré; Charles de Louviers, Seigneur de Maurevert; Jean Yanowitz, dit Besme; Henry III et les «Quartante-cinq»; Jacques Clément. Paris, 1912. P. 239.

[19] Жан-Франсуа де Монсерье, Жак де Винь, сеньор де Лабастид-Сен-Пьер, братья Дезэфранац, де Сен-Малин, Ожье де Сарьяк, де Пейт, де Сен-Годен и Жан де Люпе, барон д'Арблад-Конталь. Детали и описание покушения на герцога де Гиза см. подробнее: Thou J.-A. , de. Histoire universelle... P. 456 и далее; Hazon de Saint-Firmin J. Deux témoins de l'assassinat du duc de Guise à Blois, les abbés Claude de Bulles et Étienne d'Orguyn. Blois, 1913; Hazon de Saint-Firmin J. Un assassin du duc Henri de Guise, François II de Montpezat, baron de Laugnac, capitaine des Quarante-Cinq, 1566–1590. Blois, 1913; Vivent J. La tragédie de Blois. Le roi de France et le duc de Guise,

Когда все было кончено, Генрих III пнул ногой исколотый кинжалами труп де Гиза, а затем, словно актер на сцене, произнес свою крылатую историческую фразу: «Нас больше не двое, отныне король только я!». Ту же мысль, словно бы уже ставшей программной, король, согласно донесению секретного агента герцога Тосканского Филиппо Каврианы, повторил, когда поднялся в покои Екатерины Медичи. «Гиз мертв! Никто о нем мне больше не будет говорить», — обратился он к умиравшей матери, напомнив ей о своем унизительном бегстве из Парижа[20]. Королева пришла в ужас, узнав о смерти герцога, но была слишком слаба, чтобы ответить сыну. Однако в донесениях апостольского нунция во Франции венецианца Джанфранческо Морозини встреча Генриха с матерью описывается несколько иначе. На заявление сына «Теперь я вновь король!», королева ответила: «Нет, сын мой, ты только что потерял свое королевство»[21].

«Король наисатанейший»

Последовавшие события вскоре подтвердили мрачный прогноз вдовствующей королевы. Ночью 24 декабря новость об убийстве братьев Гизов достигла Парижа и вызвала массовую волну гнева, направленного против суверена. В истоках разжигаемого ультракатолической элитой недовольства обнаруживается целый комплекс взаимосвязанных причин, обусловленных длительным религиозным кризисом, острейшим политическим противостоянием двора, Лиги и муниципальных институтов, финансовыми трудностями и эсхатологической боязнью конца света. Многоплановая комбинаторика этих разнообразных причинных компонентов спровоцировала радикальное уличное недовольство. Накаленные страсти, порожденные

1585–1588. Paris, 1946; Walker A. M., Dickerman E. H. The King who would be Man: Henri III, Gender Identity and the Murders at Blois, 1588 // Historical Reflections / Réflexions Historiques. 1998. Vol. 24. N 2. P. 253–281; Bercé Y.-M. Les coups de majesté des rois de France...; Копелев Д. Н. Убийство в королевской спальне // Копелев Д. Н. Тени вокруг трона. Исторические миниатюры. СПб., 2015. С. 173–195.

[20] Négociations diplomatiques de la France avec la Toscane / Documents recueillis par Giuseppe Canestri et publié par Abel Desjardins. T. IV. Paris, 1862. P. 842.

[21] Cloulas J. Catherine de Médicis. Paris, 1979. P. 597.

виртуальными и визуальными образами, вылились в уличную агрессию, направленную, прежде всего, против Генриха III, обвиняемого в ереси и пособничестве еретикам[22].

Попытки короля перехватить инициативу не увенчались успехом. Устранение братьев Гизов было представлено им как неизбежный шаг, позволивший предотвратить покушения на монарха. За расправов над герцогом и кардиналом последовали аресты членов семейства Гизов: матери убитых Анны д'Эсте, герцогини Немурской, малолетнего сына Генриха де Гиза и Екатерины Клевской Шарля Лотарингского, принца де Жуанвиля, герцога и герцогини д'Эльбеф, маршала де Бриссака. Были также задержаны сторонники Гизов из числа делегатов Генеральных штатов и несколько видных лигеров. Распустив Генеральные штаты и обезглавив Лигу, король рассчитывал внести смятение в ряды противников. Однако, представляя Гизов виновниками смут в стране, не только изменившими законному государю, но и ищущими поддержки за границей, в Испании, представители официальной версии событий подчеркивали, что ни божеские заповеди, ни человеческие законы не могут оправдать бунтовщиков, поднявших оружие против королевской власти. Честолюбивые амбиции лотарингцев, по их мнению, вели страну к новым мятежам и бунтам, разрывающим страну на части. Сквозная мысль,

[22] Bell D. A. Unmasking a King: The Political Uses of Popular Literature under the Catholic League, 1588–89 // Sixteenth Century Journal. 1989. N 20. P. 371–386; El Kenz D. L'assassinat du duc de Guise // L'Histoire. 1998. N 225. P. 60–63; Le Person X. «Practiques» et «practiqueurs»: La vie politique à la fin du règne de Henri III (1584–1589). Genève, 2002; Dupra A. Les rois de papier: La caricature du Henri III à Louis XVI. Paris, 2002; El Kenz D. La propagande et le problème de sa réception, d'après les mémoires-journaux de Pierre de L'Estoile // Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique. 2003. Vol. 90–91. P. 19–32; Wilkinson A. S. «Homicides royaux»: The assassination of the Duc and Cardinal de Guise and the radicalization of French public opinion // French History. 2004. N 18. Issue 2. P. 129–153; Debragi-Baranova T. A coups de libelles: Une culture politique au temps des querres de religion (1562–1598). Genève, 2012. О создании «черной легенды» на примере сестры короля, Маргариты де Валуа, королевы Наваррской, см.: Шишкин В. В. «Сатирический развод» 1607 г.: Гугенотский памфлет? (рукопись XVII в. из Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге) // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии / Под ред. А. М. Прилуцкого. Вып. IV. СПб., 2015. С. 308–333.

пронизывавшая официальную правительственную доктрину, строилась вокруг идеи оправдания действия короля и представляла убийства как вынужденную политическую акцию, направленную к достижению мира в стране[23].

Расчеты короля не оправдались. Лига моментально сплотилась. Амьен, Бурж, Лион, Ле Ман, Руан, Тулуза превратились в настоящие лигерские города и открыто демонстрировали враждебность Валуа. Пропагандистская антикоролевская кампания, в которой импульсивные выплески массовой истерии в немалой степени провоцировались и подогревались руководителями Католической Лиги, и, в первую очередь, герцогиней де Монпансье, принимала различные формы. В первую очередь она нашла отражение в целой серии широко распространенных ритуальных шествий, с одной стороны объединявших рядовых католиков в их единой причастности к борьбе со вселенским Злом, а с другой стороны, изобличавших грехи короля, слуги дьявола, вызвавшего своими богохульными действиями гнев Господень[24].

Когда весть о свершившемся убийстве достигла Парижа, многотысячные толпы заполнили улицы. В городе был объявлен траур, начались торжественные богослужения, мессы и шествия во славу убиенного мученика де Гиза. В церквях были повешены черно-белые картины, изображавшие убийство лотарингских принцев. С амвона неслись кощунственные речи: если наследственный король презрел святые устои веры и законы королевства, то не в праве ли его подданные восстать и сразить тирана? Подобные слова встречали живой отклик у слушателей. 29 декабря после яростной проповеди, произнесенной одним из самых ярких обличителей короля, преподобным Женсестром, прихожане в ярости сорвали с дверей церкви королевский герб и портреты «тирана» и в ярости растоптали их. 1 января священник призвал паству поклясться отомстить

[23] О роялистской кампании см. подробнее: Wilkinson A. S. «Homicides royaux»... P. 3f.

[24] См. подробнее: Richet D. De la Réforme à la Révolution. Études sur la France moderne / Préface de Pierre Goubert. Paris, 1991. P. 69–82; Diefendorf B. Beneath the Cross. Catholics and Huguenots in the Sixteenth-Century Paris. New York; Oxford, 1991. P. 38–48; Sluhovsky M. Patroness of Paris: Rituals of devotion in early modern France. Leiden, 1998. P. 119–122.

за смерть лотарингских принцев[25]. В тот же день из крипты аббатства Сен-Дени были извлечены и перенесены в Париж реликварии святых мучеников — подальше от короля-вероотступника[26]. 2 января лигеры ворвались в церковь Сен-Рок, где надругались над гробницами королевских миньонов Сен-Мегрена, Келюса и Можирона и уничтожили установленные в их честь мраморные статуи работы Жермена Пилона[27]. Дело довершил указ факультета теологии Парижского университета 7 января 1589 г. [28] Несмотря на протесты декана и некоторых старейших докторов, он дал утвердительный ответ на запрос «Комитета 16», возглавлявшего муниципальное управление Парижем, о том, может ли французский народ считать себя свободным от повиновения Генриху III и, вооружившись, начать открытую борьбу с его сторонниками. По постановлению «16» этот ответ был напечатан в качестве декрета[29].

Какие же мысли могла почерпнуть легковерная паства из памфлетов, проповедей и афиш, порочащих короля?[30] Анализируя тексты лигеров, исследователи проследили, как постепенно происходила десакрализация Генриха III и формировался образ «короля наисатанейшего». Аргументация лигерских авторов позволяет также глубже понять психологическую подоплеку событий в Блуа и, в числе прочего, приоткрыть

[25] См.: Констан Ж.-М. Повседневная жизнь французов во времена религиозных войн / Пер. с фр., предисл. Е. В. Морозовой. М., 2005. С. 251.

[26] Десимон Р. Варфоломеевская ночь и парижская «ритуальная революция» // Варфоломеевская ночь... С. 150, 151.

[27] Estoile P., de. Journal pour le règne de Henri III (1574–1589) / Texte intégral présenté et annoté par Louis-Raymond Lefèvre. Paris, 1943. P. 604. См. также: Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М., 2004. С. 720–753.

[28] Amalou T. Une Sorbonne régicide? Autorité, zèle et doctrine de la faculté de théologie pendant la Ligue (1588–1593) // Actes du colloque de l'association des historiens modernistes des universités françaises tenu le 23 janvier 2010. Paris, 2013. P. 77–116.

[29] Лозинский А. А. Борьба за власть в парижском муниципалитете после «дня баррикад» (1588 – начало 1589 г.) // Средние века. 1956. Вып. 08. С. 284.

[30] О французской памфлетистике как историческом источнике см.: Озолинг А. Е. Французская памфлетистика при Старом порядке // От Старого порядка к Революции. К 200-летию Великой французской революции. Межвузовский сборник / Под ред. проф. В. Г. Ревуненкова. Л., 1988. С. 51–63.

завесу над необъяснимым поведением Генриха де Гиза, перед лицом смерти проявившего несвойственную ему наивность и беспечность и словно до конца пребывавшего в иллюзиях относительно возможных мотивов и действий короля, близкого ему человека, который якобы не сможет решиться на совершение подобного преступление.

Действия короля подавались как порочный круг, за ними, якобы, стоял дьявольский промысел. Мир словно бы перевернулся — «всехристианнейший король» оказался «королем наисатанейшим», и каждое совершаемое этим «лицемером» деяние влекло за собой все новые ужасные последствия. Убедительность подобным заявлениям придавали постоянные повторения одних и тех же обвинений и слухов, которые авторы печатавшихся брошюр и листовок заимствовали друг у друга. Но для понимания смысла происходившего в Париже обвинения и слухи, таящие в себе часть исторической правды, важны не столько сами по себе, не менее важно за этими перемешанными с правдой небылицами разглядеть «симптомы» духовной атмосферы, состояние умов, определявшее представления уличной среды.

Первым символическим «камнем», который лег в основу создаваемой «черной легенды», стали оскорбительные имена и прозвища, которыми осыпали короля: «король-каннибал», «лицемер», «содомит», «тиран Франции», «атеист», «Тигр», «французский Нерон», «бастард», «Калигула», «Волк». На одной из своих проповедей, например, преподобный Женсестр использовал имя Генриха III для анаграммы: *Henri de Valois* отныне превратился в *le vilain Hérode*, «гнусного Ирода». Священник также громогласно провозгласил, что «Ирод» перестал теперь быть королем французов, ибо «повинен в богохульстве, нарушении законов, варварстве, недостойных преступлениях, отравлениях и ужасных убийствах». «В доме Ирода лучше быть свиньей, нежели сыном дома, — писал анонимный автор памфлета «Лотарингский католик — католику французскому». — Таким образом, в доме нашего презренного Ирода, который подделывается под католика, лучше было бы быть самым презренным атеистом, самым омерзительным колдуном, самым мерзейшим содомитом, нежели

самым преданным католиком, самым набожным верующим и самым целомудренным в мире человеком»[31].

Разумеется, признаки дьявольского перевоплощения монарха явственно обнаруживались во многих кощунственных деталях организованного им безнравственного действа. Осуществив свой коварный замысел, король лицемерно попрал все религиозно-нравственные нормы того времени. В первую очередь, подчеркивали авторы памфлетов, в канун рождества Мессии монарх подверг профанации литургический период и упивался кровью невинно убиенного герцога. Убийство де Гиза не только совершилось в разгар поста, но еще и пришлось на пятницу — святой для истинных верующих день распятия Христа, когда истинно верующему следует размышлять о Господних страданиях. Отважиться на насилие в такие дни, да еще во время созыва Генеральных штатов, когда по всему королевству наступал мир, было высшим святотатством.

Но это были далеко не все святотатственные деяния монарха. Авторам кампании было крайне важно заставить читателей сопереживать происшедшее с позиций морали. В принятой ими логике бинарного конструирования следовало расставить соответствующие нравственные ударения, очерняя одних участников Блуаской драмы и обеляя других. Создаваемый при этом мифологический образ событий в Блуа приобретал черты новой реальности, представлявшей собой иррациональную смесь реальных фактов, непроверенных слухов, клеветы и прямого вымысла. Умело скомпонованная композиция поражала неслыханной жестокостью и опиралась на мрачные детали, изготовленные в стилистике макабра. Сразу после убийства король откровенно глумился над телом де Гиза. Яркую картину происшедшего представлял памфлет «Мученичество двух братьев», приписываемый кюре церкви Сен-Бенуа и доктору Сорбонны Жану Буше. Король «выходит из упомянутого кабинета, сжимая клинок, атакует это уже окоченевшее тело и разбушевавшись сильнее, чем охваченный демоном, топчет ногой по животу, шее, лицу этого бедного принца и говорит словно одержимый: “Теперь нас больше не двое, король только я”, —

[31] Dupra A. Les rois... P. 51.

и с таким словами этот трус рубит с плеча бездыханное тело»[32]. Как рассказывал другой автор, Жак Барон, «тиран» трижды пнул труп ногой, а затем приказал привести брата герцога, кардинала Лотарингского, и, показав ему тело убитого герцога, произнес: «Ты знаешь его! Завтра и с тобой будет то же самое!». И уже на следующий день кардинала закололи пиками. Анонимный автор из Шалона дополнял картину новыми деталями: дабы устрашить врагов, король прямо на рождественской заутрене распорядился отсечь мертвым братьям головы и разбросать по саду их искромсанные останки[33].

Известия о зверствах короля быстро распространились по Парижу. В «Дневнике» Пьера де Л'Этуаля приводились и новые детали расправы: искромсанные части тел убиенных братьев были собраны на заднем дворе дворца и обращены в пепел в огромном камине, после чего их развеяли по ветру[34]. Головы же насадили на шесты и выставили у городских ворот Орлеана и Парижа. Атмосфера макабра умело подогревалась с помощью многочисленных гравюр и эстампов, раскрывавших подробности «дьявольской кухни». В работе некоего Франсуа Жанса под заголовком «Как двух мертвых принцев уложили на стол» чрезвычайно натуралистично изображались нанесенные убиенным лотарингцам чудовищные раны. Столь же реалистично выглядели искромсанные кинжалами и пиками тела герцога де Гиза и кардинала Лотарингского в иллюстрациях к брошюре «Примечательные факты из жизни Генриха Валуа» (1589), автором которого предположительно являлся кюре церкви святого Бенедикта Жан Буше.

Манипулируя общественным сознанием, руководители лигеров предпринимали все возможное, чтобы увековечить павших мучеников, и пытались обнаружить параллели между мученической смертью Христа и гибелью де Гиза. Выяснилось, что незадолго до рокового дня, 9 декабря, король заверял герцога де Гиза, что любит и ценит его больше всех своих подданных, дал ему клятву дружбы и пообещал искоренить ересь в пределах своего королевства. Сочинители памфлетов умело

[32] Dupra A. Les rois... P. 57.
[33] El Kenz D. L'assassinat... P. 62.
[34] Estoile P., de. Journal pour le règne de Henri III... P. 582.

сгущали краски. Например, автор «Мученичества двух братьев» рассказал о том, что герцог д'Эльбеф сообщил 22 декабря де Гизу о готовящемся на него покушении. В ответ же он услышал похвалы в адрес короля — исполненный кротости герцог отказался верить злым наветам. Де Гиз назвал монарха «истинным гуманным государем, исполненным благочестия» и поведал д'Эльбефу, что вместе с королем принял причастие[35].

Свое монаршее слово Валуа вероломно нарушил, а вместе с тем оскорбил и сакральную неприкосновенность королевского жилища. В одном из памфлетов некий реймский каноник сгустил краски, рассказав, что за несколько дней до убийства Генрих III подверг суду лютниста, который в королевских покоях осмелился дать пощечину лакею. «Это святое место, как главный алтарь», — величественно промолвил тогда король. Отныне же, королевский замок, ставший свидетелем святотатственного убийства, потерял святость и уподобился презренным осквернённым местам, таким, как рыночная площадь. Однако неправедного преступления можно было избежать, тем более, что, как рассказывал один депутат Генеральных штатов, за два месяца до убийства королю был явлен предостерегающий знак. Некий чеканщик надругался тогда над ослицей в саду у замка, за что был заживо сожжен вместе со своей жертвой. Акт скотоложства своей противоестественностью показывал, что все в этом мире перевернулось вверх ногами, но этим предостережением свыше предпочли пренебречь[36]. А ведь безбожная природа короля проявляла себя задолго до убийств в Блуа: этот гнусный «содомит» и извращенец со своими мерзкими миньонами насиловал целомудренных монахинь и соорудил в Венсенском лесу капище, где творил черные мессы и убивал малых детей[37]. По словам автора памфлета «Чародейства Генриха Валуа», это поганое место недавно нашли: его «украшали» «два сатира из позолоченного серебра высотой в четыре пяди, в левой руке у каждого здоровая дубина, на которую они опираются, а в правой они держат блестящий сосуд из чистого хрусталя»[38].

[35] Wilkinson A. S. «Homicides royaux»... P. 143.
[36] El Kenz D. L'assassinat... P. 63.
[37] Dupra A. Les rois... P. 64, 80.
[38] Dupra A. Les rois... P. 63.

Упоение макабром и темами смерти отнюдь не являлось самоцелью. За смакованием подробностей мерзостных деяний короля подспудно скрывался сакральный мотив — сами мучения открывают дорогу в святость. С церковных амвонов доносились страшные подробности убийства. Когда убийцы кинулись на де Гиза с кинжалами-дагами, тот, защищаясь, прикрыл лицо полой плаща с изображением Святого Духа, но нападавших это не остановило. Один из них — высшее святотатство — поразил лик Божий ударом кинжала (рис. 5). На гравюре «Убийство герцога де Гиза в Блуа 23 декабря 1588 г.» удар Генриху убийцы наносили справа, как Иисусу, хотя по всем текстам рана на теле герцога располагалась слева. Вещим сочли и то, что де Гиз, вызванный к королю в ранний час, не успел помолиться, и его охватило дурное предчувствие. А за несколько минут до смерти уродовавший его лицо давний шрам якобы начал кровоточить[39]. На фоне предательского убийства герцога еще более яркими красками подчеркивалось мученичество его брата, кардинала Лотарингского[40]. Король, якобы, не смог даже найти людей, столь низких душой, чтобы свершить подобный святотатственный акт. Его верные гвардейцы отказались взять на себя убийство прелата. Пришлось высокопоставленным заговорщикам нанимать за плату презренных наемников, имена которых остались неизвестными. Они-то утром 24 декабря пиками и поразили несчастного священника. А ведь убитые братья-лотарингцы, размышляли авторы памфлетов, в символическом смысле являлись «детьми» короля, «отца» своих подданных. Теперь же презренный «тиран» превратился в «сыноубийцу». Убив же кардинала Лотарингского, своего «отца» по вере, духовного пастыря государя, имевшего в качестве архиепископа Реймского, совершавший коронование прерогативу называть его «сын мой», король превратился в «отцеубийцу»! Глубину

[39] El Kenz D. L'assassinat... P. 63.

[40] Важное место в кампании о мученичестве лотарингских братьев отводилось воспоминаниям о горестной судьбе их отца, герцога Франциска де Гиза, харизматического лидера французских католиков, предательски застреленного под Орлеаном 18 февраля 1563 г. Жаном де Польтро де Мере. См. подробнее: Wilkinson A. S. «Homicides royaux»... P. 145.

его морального падения подчеркивала и трагедия «Гизиада» Пьера Матье. На страницах ее Блуаский дискурс неожиданно обретает новое осмысление в сравнении поведения короля с поступком Ахилла из XXIV главы «Илиады». Благородный убийца Гектора был способен внять мольбам несчастного царя Приама и передал ему для погребения тело Гектора — жестокий тиран Генрих III, презиравший моральные устои, безжалостно отказал в этой просьбе несчастной матери братьев де Гизов герцогине Немурской[41].

В кампании по десакрализации монарха наиболее популярными и эффективными инструментами зачастую становились изображения короля. На лубочных картинках короля изображали корчащимся в пламени костра, с лицом черным, как у дьявола, или в виде лисы, волка или свиньи. Все они, как и опубликованные эдикты Генриха III, подвергались глумлению и публично сжигались. Под стать королю были и привлеченные им убийцы лотарингских братьев, слепо выполнившие его волю. На одном из самых популярных плакатов, «Снятие лживой личины великого лицемера Франции», иллюстратор представил их настоящими приспешниками дьявола (рис. 3). Худые, со злорадными усмешками, алчущие крови, они, словно боевые псы, преисполнены готовности служить хозяину, одержимому дьяволом. Сам Генрих III был помещен в центр композиции. Автор изображения облачил короля в одеяние «белых кающихся», в руках этот «Ирод» с остекленевшим взглядом сжимал четки и жезл. Но в действительности изображенный на иллюстрации персонаж с кошачьей мордой, козлиными рогами и ослиными ушами являл собой само воплощение антихриста[42]. Так разве не сатана вдохновлял убийц, и разве не суждено им теперь во веки вечные претерпевать муки в огненной геенне?

Особой популярностью пользовались изображения «дьявольской кухни» в Блуа. На гравюре «Как Генрих приказал

[41] Matthieu P. La Guisiade / Éd. L. Lobbes. Genève, 1990. Анализ трагедии см.: Ternaux J.-C. La Diabolisation dans «La Guisiade» (1589) de Pierre Matthieu et «Le Guysien» (1592) de Simon Bélyard // Études Épistémè [En ligne]. 2008. N 14. P. 1–18 // URL: http://episteme.revues.org/719 (дата обращения: 23. 09. 2016).

[42] Dupra A. Les rois... P. 56.

расчленить тела убиенных принцев и бросить их в огонь» король сидел возле горящего камина, языки пламени лизали расчлененные останки тел и голову герцога с открытыми глазами. Сокрушительная шаржированность образа короля была достигнута в карикатуре, на которой монарх изображался в виде Химеры — мифологического чудовища, в аллегорической форме олицетворявшего нарушение законов естества. Только на этот раз образ античного монстра («лев головою, задом дракон и коза серединой») был пронизан христианским символизмом[43]. По мнению автора карикатуры, ущербный Генрих III с его противоестественными наклонностями и есть сама Химера — с головой льва (символ его жестокости), покрытым рыбьей чешуей телом и крыльями дракона (звериное нутро и колдовское начало государя) и с женской грудью, символизировавшей телесную греховность и сладострастие короля-гермафродита (рис. 4). Однако авторы карикатуры заложили в ней еще один примечательный подтекст: в когтистой лапе король сжимал четки, знак веры, в другой — зеркало с отражением Никколо Макиавелли. Урок последнего — «Цель оправдывает средства» — «король наисатанейший» усвоил как никто другой. Постулат этот и составляет, по словам автора памфлета «Атеизм Генриха Валуа», суть дьявольской доктрины короля, «нового Корана», который в действительности является «Евангелием от Маккивелли»[44].

Судьба этого чудовища предрешена, что отчетливо прослеживалось и на гравюре «Скит, уготованный для Генриха Валуа» (рис. 2). Король на ней предстал в окружении двух кающихся грешников, облаченных в белые одеяния и с четками в руках. Только ноги их вместо стоп заканчивались лапами хищных птиц, изобличавшими истинную природу этих адских «отшельников». Перед «братом Генрихом Валуа» разверстывалась пасть Химеры, изрыгавшей языки пламени адских врат — тот самый «скит», который уготован дракону, зверю и лжепророку, и куда теперь король, сопровождаемый служителями дьявола, ведет

[43] Гомер. Илиада. VI. 181 (пер. Н. И. Гнедича).

[44] Le Roux N. Le point d'Honneur, la Faveur et le sacrifice: recherché sur le duel des mignons d'Henri III // Histoire, économie et societé. 1997. Vol. 16. N 4. P. 589, 590.

свою страну[45]. Такому ли государю, словно вопрошал автор гравюры, править «прекрасной сладостной Францией»? «Насколько же, о французские христиане, вы утратили храбрость, которой славились среди всех иноземных и удаленных наций, — вопрошал автор «Мученичества двух братьев». — Доколе же будете вы терпеть иго столь трусливого атеиста, который никогда не был одним из вас, никогда не был французом и в ком не течет ни капли королевской крови, а который только лишь является бастардом или каким-то полукровкой, чудесным образом ставшим одним из вас или дьяволом во плоти, чтобы служить палачом или быть карой Божьего суда, справедливо разгневанного нашими прегрешениями»[46].

«Воображаемое» постепенно превращалось в безликую силу, управлявшую чувствами и желаниями людей, отождествляемый же с Антихристом король облекался в одежды главного виновника гнева Господнего, провоцирующего гибель мира. Бумажная война и кампания карикатур неминуемо переводила конфликт из нравственно-политических сфер в область эсхатологии. В многочисленных альманахах с апокалиптическими и хилиастическими пророчествами с описанием таинственных знаков и символов, предвещавших *Ira Dei*, можно было прочесть о приближающейся угрозе. 1588 г. должен был, согласно расчетам Регимонтана и и астролога Стофлера, стать последним рубежом перед наступлением Царствия Божия[47]. Подобный ракурс находил широкое понимание. Действия короля подавались как завершающий аккорд в преддверии Страшного суда, Генрих же III с каждым днем приобретал все более реальные очертания «короля наисатанейшего».

[45] Толчком для использованного в гравюре образа «скита» послужили, по-видимому, события, происходившие в августе 1583 г., когда король приказал выстроить в Венсенском лесу часовню для отшельников-иеоминитов, монахов ордена Святого Иеронима, проповедовавших суровую аскезу. Именно в этот «скит» и отправлялся одетый в грубую монашескую рясу монарх во время своих религиозных шествий (Dupra A. Les rois... P. 86, 87).

[46] Цит. по: Dupra A. Les rois... P. 57.

[47] Verdier A., du. Prosopographie, ou description des personnes illustres, tant chrestiennes que prophanes: Ou se continvant l'histoire et chronologie. Lyon, 1606. P. 2553.

* * *

Весь январь по Парижу в рамках объявленного 55-дневного траура регулярно проходили траурные процессии. Сопровождаемые священниками участвовавшие в них дети в белых одеяниях, женщины и мужчины под исполнение псалмов следовали со свечами от церкви к церкви. Поклонение Гизам достигло кульминации 30 января, когда огромная процессия проследовала к собору Парижской Богоматери. Там был отслужен торжественный молебен, на котором безмолвно присутствовали восковые манекены убиенных, выставленные в капелле. Они как будто бы требовали отмщения. К возмездию взывал и автор «Гизиады». По его мнению, следовало стереть с лица земли осквернённый убийством Блуа, а на месте проклятого города по образцу Сикстинской капеллы воздвигнуть часовню из мрамора и яшмы, посвященную Гизам. Воздаяние за грехи ожидало и тирана-короля, олицетворявшего собой смерть[48]. К этому недвусмысленно призывала афиша «Гробница с останками их высочеств Гизов, убиенных в Блуа XXIII и XXIV декабря 1588 г.», на котором разместили изображение двуглавого скелета в короне, поражавшего стрелами лотарингских принцев[49]. Словно во исполнение этого пожелания 2 августа 1589 г. доминиканский монах Жак Клеман под предлогом исполнения некоего секретного поручения добился аудиенции короля во дворце Сен-Клу и, оставшись с ним наедине, нанес «Ироду» удар кинжалом, который прятал в широком рукаве. Совершая преступление, Клеман, один из «воинов Господа», не опасался впасть в грех — Иисус Христос благосклонно примет «в качестве приношения как смерть, которую они несут, так и смерть, которую они принимают»[50]. Ожидания монаха оправдались сполна — король был убит, а ворвавшиеся гвардейцы подняли убийцу на пики (рис. 5).

[48] О становлении идеологии тираноубийства в Новое время см.: Мунье Р. Убийство Генриха IV... С. 106–130; Уваров П. Ю. Религиозные войны и тираноборчество во Франции XVI века // Средневековая Европа глазами современников и историков. М., 1995. С. 6–26; Эльфонд И. Я. Тираноборцы: Из истории французской политической мысли XVI в. Саратов, 1991.

[49] Dupra A. Les rois... P. 95.

[50] Крузе Д. История наизнанку? Король и религиозный раскол во Французском королевстве в XVI в. // Религиозные войны во Франции... С. 291.

После гибели короля памфлеты о Гизах постепенно исчезли — виновник их убийства получил воздаяние за свои грехи. Однако визуальные и виртуальные интерпретации Блуаских убийств продемонстрировали, насколько опасным политическим средством может стать демонизация политического противника. Беспощадная кампания по сатанизации короля дискредитировала не только самого Генриха III. Жестокое и безобразное искажение реальности неизменно вызывало отвращение, заставляя современников проникаться ужасом от глубины падения и преисполняться страха перед тем коллективным кошмаром, в который их вовлек своими преступлениями король. Однако, превращаясь в важнейший инструмент в создании «черной легенды», информационная кампания по десакрализации короля вышла за рамки индивидуального. Превращение мифологемы врага в оружие идейно-политической борьбы и развенчание конкретных противников оказались составными частями новой политической реальности, в рамках которой святотатственное деяние лишалось сакрального ореола, приобретая черты будничности. В наэлектризованной духовной атмосфере Парижа 1589 г. тон начинала задавать новая «мистическая» сила, способная ниспровергать сами устои земной власти и открывать дорогу тираноубийце — общественное мнение. Происшедший тогда ментальный взрыв с его инфернальностью и эсхатологическими страхами оказался одним из первых проявлений новой информационной данности. Все более радикализующееся общество становилось легким объектом для политического манипулирования, что привело к масштабным пропагандистским кампаниям по дискредитации и свержению Старого режима и династии.

Источники и литература

1. Вьенно Э. Преимущественное право мужчины и французский дух монарха лилии: Обсуждение Салической правды и создание национального консенсуса во время последней религиозной войны XVI столетия // Религиозные войны во Франции

XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. СПб.; М.: Евразия, ИД Клио, 2015. С. 227–240.

2. Десимон Р. Варфоломеевская ночь и парижская «ритуальная революция» // Варфоломеевская ночь: Событие и споры. Сборник статей / Отв. ред. П. Ю. Уваров. М.: РГГУ, 2001. С. 138–189.

3. Дмитриев М. В. «Bons et naturels français». Католицизм и дискурсы французской идентичности в годы Парижской лиги // Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. СПб.; М.: Евразия, ИД Клио, 2015. С. 241–268.

4. Донесение агента-двойника / Пер. с франц.; Вступ. ст., пер. и прим. П. Ю. Уварова. — М.: Прометей, 1992. — 48 с.

5. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М. А. Бойцова, А. Ю. Серегиной. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. — 744 с.

6. Констан Ж.-М. Повседневная жизнь французов во времена религиозных войн / Пер. с фр., предисл. Е. В. Морозовой. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 352 с.

7. Копелев Д. Н. Тени вокруг трона. Исторические миниатюры. — СПб.: Книга, 2015. — 364 с.

8. Крузе Д. История наизнанку? Король и религиозный раскол во Французском королевстве в XVI веке // Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. СПб.; М.: Евразия, ИД Клио, 2015. С. 269–294.

9. Крузе Д. Король и насилие: Из истории французского абсолютизма XVI в. / Пер. с фр. Ю. В. Ткаченко // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 166–191.

10. Крузе Д. Монархическая власть и таинство смысла: Сообщение о Варфоломеевской резне // Варфоломеевская ночь: Событие и споры. Сборник статей / Отв. ред. П. Ю. Уваров. М.: РГГУ, 2001. С. 102–137.

11. Лозинский А. А. Борьба за власть в парижском муниципалитете после «дня баррикад» (1588 – начало 1589 г.) // Средние века. 1956. Вып. 08. С. 257–294.

12. Лучицкий И. В. Католическая лига и кальвинисты во Франции. Опыт истории демократического движения во Франции во второй половине XVI в. (по неизданным источникам). Т. I. — Киев: Университетская типография, 1877. — 634 с.

13. Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма / Пер. с итал. — М.: Пушкинская библиотека, Издательство АСТ, 2004. — 824 с.

14. Мунье Р. Убийство Генриха IV (14 мая 1610) / Пер. с франц. М. Ю. Некрасова; Науч. ред. В. В. Шишкина; Предисл. П. Ю. Уварова. — СПб.: Евразия, 2008. — 415 с.

15. Озолинг А. Е. Французская памфлетистика при Старом порядке // От Старого порядка к Революции. К 200-летию Великой французской революции. Межвузовский сборник / Под ред. проф. В. Г. Ревуненкова. Л.: Издательство ЛГУ, 1988. С. 51–63.

16. Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. — СПб.; М.: Евразия, ИД Клио, 2015. — 352 с.

17. Уваров П. Ю. Новые версии старого преступления // Варфоломеевская ночь: Событие и споры. Сборник статей / Отв. ред. П. Ю. Уваров. М.: РГГУ, 2001. С. 7–18.

18. Уваров П. Ю. Религиозные войны и тираноборчество во Франции XVI века // Средневековая Европа глазами современников и историков. М.: Интерпракс, 1995. С. 6–26.

19. Шишкин В. В. Книги Генриха III Валуа в Российской национальной библиотеке // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. А. Ю. Прокопьева. Вып. 12. СПб.: ООО «ИД «ПРАВО», 2015. С. 410–423.

20. Шишкин В. В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII вв. — СПб.: Евразия, 2004. — 288 с.

21. Шишкин В. В. «Сатирический развод» 1607 г.: Гугенотский памфлет? (рукопись XVII в. из Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге) // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии / Под ред. А. М. Прилуцкого. Вып. IV. СПб.: Любавич, 2015. С. 308–333.

22. Эльфонд И. Я. Тираноборцы: Из истории французской политической мысли XVI в. — Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. — 142 с.

23. Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 800 с.

24. Amalou T. Une Sorbonne régicide? Autorité, zèle et doctrine de la faculté de théologie pendant la Ligue (1588–1593) // Actes du colloque de l'association des historiens modernistes des universités françaises tenu le 23 janvier 2010. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2013. P. 77–116.

25. Bell D. A. Unmasking a King: The Political Uses of Popular Literature under the Catholic League, 1588–89 // Sixteenth Century Journal. 1989. N 20. P. 371–386.

26. Bercé Y.-M. Les coups de majesté des rois de France, 1588, 1617, 1661 // Complots et conjurations dans l'Europe moderne. Actes

du colloque international organisé à Rome, 30 septembre – 2 octobre 1993. Rome: École Française de Rome, 1996. P. 491–505.

27. Bernard G. La Ligue et l'élection du roi (1589–1596): Une doctrine démocratique? // L'illusion démocratique. Actes du Colloque Universitaire du 2 juin 2007. Douzième cahier de l'Association des Amis de Guy Augé. 2008. N 55. P. 31–52.

28. Cady J. The «Masculine Love» of the «Princes of Sodom» «Practising the Art of Ganymede» at Henri III's Court: The Homosexuality of Henri III and His Mignons in Pierre de L'Estoile's «Mémoires-Journaux» // Desire and Discipline: Sex and Sexuality in the Premodern West / Ed. by J. Murray, K. Eisenbichler. Toronto: University of Toronto Press, 1996. P. 123–154.

29. Cameron K. Henry III: A Maligned or Malignant King? Aspects of the Satirical Iconography of Henry de Valois. — Exeter: University of Exeter, 1978. — 200 p.

30. Cameron K. Henry III, the Antichristian king // Journal of European Studies. 1974. Vol. 4. N 2. P. 152–163.

31. Carroll S. Noble Power during the French Wars of Religion. The Guise Affinity and the Catholic Cause in Normandy. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — 298 p.

32. Chevallier P. Henri III, roi shakespearien. — Paris: Fayard, 1985. — 752 p.

33. Cloulas J. Catherine de Médicis. — Paris: Fayard, 1979. — 742 p.

34. Constant J.-M. Les Guise. — Paris: Hachette, 1984. — 266 p.

35. Crawford K. From Peception to Assassination. French Negotiations of «Platonic Love» // Men and Women. Making Friends in Early Modern France / Ed. by L. C. Seifert, R. M. Wilkin. — Farnham, Burlington: Ashgate, 2015. P. 119–134.

36. Debragi Baranova T. A coups de libelles: Une culture politique au temps des querres de religion (1562–1598). — Genève: Droz, 2012. — 520 p.

37. Dickerman E. H. Henri III of France, Student of Prince // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1978. T. 40. N 2. P. 281–288.

38. Diefendorf B. Beneath the Cross. Catholics and Huguenots in the Sixteenth-Century Paris. — New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. — 272 p.

39. Dupra A. Les rois de papier: La caricature du Henri III à Louis XVI. — Paris: Belin, 2002. — 367 p.

40. Forneron H. Les ducs de Guise et leur époque: Étude historique sur le seizième siècle. 2 t. — Paris: E. Plon et Cie, 1877. T. 1. — 420 p.; T. 2. — 448 p.

41. Hazon de Saint-Firmin J. Deux témoins de l'assassinat du duc de Guise à Blois, les abbés Claude de Bulles et Étienne d'Orguyn. — Blois: Impr. de R. Breton, 1913. — 20 p.

42. Hazon de Saint-Firmin J. Un assassin du duc Henri de Guise, François II de Montpezat, baron de Laugnac, capitaine des Quarante-Cinq, 1566–1590. — Blois: A. Picard, 1913. — 72 p.

43. El Kenz D. L'assassinat du duc de Guise // L'Histoire. 1998. N 225. P. 60–63.

44. El Kenz D. La propagande et le problème de sa réception, d'après les mémoires-journaux de Pierre de L'Estoile // Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique. 2003. Vol. 90–91. P. 19–32.

45. Estoile P., de. Journal pour le règne de Henri III (1574–1589) / Texte intégral présenté et annoté par Louis-Raymond Lefèvre. — Paris: Gallimard, 1943. — 777 p.

46. Konnert M. Local Politics in the French Wars of Religion: The Towns of Champagne, the Duke de Guise and the Catholic League, 1560–95. — Aldershot: Ashgate Publishing Company, 2006. — 300 p.

47. Knecht R. J. Hero or Tyrant? Henry III, King of France, 1574–89. — Farnham: Ashgate, 2014. — 369 p.

48. Le Person X. «Practiques» et «practiqueurs»: La vie politique à la fin du règne de Henri III (1584–1589). — Genève: Droz, 2002. — 658 p.

49. Le Roux N. La faveur du roi: mignons et courtisans au temps des derniers Valois (vers 1547 – vers 1589). — Seyssel: Éditions Champ-Vallon, 2000. — 805 p.

50. Le Roux N. Le point d'Honneur, la Faveur et le sacrifice: recherché sur le duel des mignons d'Henri III // Histoire, économie et societé. 1997. Vol. 16. N 4. P. 579–595.

51. Long K. P. Hermaphrodites in Renaissance Europe. Women and Gender in the Early Modern World. — Aldershot: Ashgate Publishing Company, 2006. — 278 p.

52. Matthieu P. La Guisiade / Éd. L. Lobbes. — Genève: Droz, 1990. — 229 p.

53. Négociations diplomatiques de la France avec la Toscane / Documents recueillis par Giuseppe Canestri et publié par Abel Desjardins. T. IV. — Paris: Imprimerie Impèriale, 1862. — 892 p.

54. Pallier D. Recherches sur l'imprimerie à Paris pendant la Ligue, 1585–1594. — Genève: Droz, 1975. — 573 p.

55. Potter D. Kingship in the Wars of Religion: The Reputation of Henry III of France // European History Quarterly. 1995. N 25. P. 484–527.

56. Richet D. De la Réforme à la Révolution. Études sur la France moderne / Préface de Pierre Goubert. — Paris: Aubier, 1991. — 584 p.

57. Sedgwick D. The House of Guise. — New York: The Boobs-Merrill Co, 1938. — 324 p.

58. Sluhovsky M. Patroness of Paris: Rituals of devotion in Early modern France. — Leiden: Brill, 1998. — 266 p.

59. Smith M. Complots, révolte et tempéraments nationaux: Français et Italiens au XVIe siècle // Complots et conjurations dans l'Europe moderne. Actes du colloque international organisé par l'École française de Rome (Rome, 30 septembre – 2 octobre 1993) / Éd. Y.-M. Bercé, E. Fasano Guarini. Rome: École Française de Rome, 1996. P. 93–115.

60. Teasley D. The Charge of Sodomy as a Political Weapon in Early Modern France: The Case of Henri III in Catholic League Polemic, 1585–1589 // Maryland Historian. 1987. Vol. 18. N 1. P. 17–30.

61. Ternaux J.-C. La Diabolisation dans «La Guisiade» (1589) de Pierre Matthieu et «Le Guysien» (1592) de Simon Bélyard // Études Épistémè [En ligne]. N 14. 2008. P. 1–18 // URL: http://episteme.revues.org/719 (дата обращения: 23. 09. 2016).

62. Thou J.-A., de. Histoire universelle depuis 1543 jusqu'en 1607. T. X. 1587–1588. — Londres Defontaines, 1734. — 767 p.

63. Vaissière P., de. Récits du temps des troubles (XVIe siècle). De quelques assassins. Jean Poltrot, Seigneur de Méré; Charles de Louviers, Seigneur de Maurevert; Jean Yanowitz, dit Besme; Henry III et les «Quartante-cinq»; Jacques Clément. — Paris: Emile-Paul, 1912. — 415 p.

64. Verdier A., du. Prosopographie, ou description des personnes illustres, tant chrestiennes que prophanes: Ou se continvant l'histoire et chronologie. — Lyon: Paul Frelon, 1606. — 806 s.

65. Vivent J. La tragédie de Blois. Le roi de France et le duc de Guise, 1585–1588. — Paris: Hachette, 1946. — 285 p.

66. Walker A. M., Dickerman E. H. The King who would be Man: Henri III, Gender Identity and the Murders at Blois, 1588 // Historical Reflections / Réflexions Historiques. 1998. Vol. 24. N 2. P. 253–281.

67. Wilkinson A. S. «Homicides royaux»: The assassination of the Duc and Cardinal de Guise and the radicalization of French public opinion // French History. 2004. N 18. Issue 2. P. 129–153.

References

1. Amalou T. (2013) Une Sorbonne régicide? Autorité, zèle et doctrine de la faculté de théologie pendant la Ligue (1588–1593), *Actes du colloque de l'association des historiens modernistes des universités françaises tenu le 23 janvier 2010*, Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, pp. 77–116.

2. Bell D. A. (1989) Unmasking a King: The Political Uses of Popular Literature under the Catholic League, 1588–89, *Sixteenth Century Journal,* n. 20, pp. 371–386.

3. Bercé Y.-M. (1996) Les coups de majesté des rois de France, 1588, 1617, 1661, Complots et conjurations dans l'Europe moderne, *Actes*

du colloque international organisé à Rome, 30 septembre – 2 octobre 1993, Rome: École Française de Rome, pp. 491–505.

4. Bernard G. (2008) La Ligue et l'élection du roi (1589–1596): Une doctrine démocratique? L'illusion démocratique, *Actes du Colloque Universitaire du 2 juin 2007. Douzième cahier de l'Association des Amis de Guy Augé*, n. 55, pp. 31–52.

5. Cameron K. (1978) *Henry III: A Maligned or Malignant King? Aspects of the Satirical Iconography of Henry de Valois*, Exeter: University of Exeter, 195 p.

6. Cameron K. (1974) Henry III, the Antichristian king, *Journal of European Studies*, vol. 4, n. 2, pp. 152–163.

7. Cady J. (1996) The «Masculine Love» of the «Princes of Sodom» «Practising the Art of Ganymede» at Henri III's Court: The Homosexuality of Henri III and His Mignons in Pierre de L'Estoile's «Mémoires-Journaux», *Desire and Discipline: Sex and Sexuality in the Premodern West* (Eds J. Murray, K. Eisenbichler), Toronto: University of Toronto Press, pp. 123–154.

8. Carroll S. (1998) *Noble Power during the French Wars of Religion. The Guise Affinity and the Catholic Cause in Normandy*, Cambridge: Cambridge University Press, 298 p.

9. Chevallier P. (1985) *Henri III, roi shakespearien*, Paris: Fayard, 752 p.

10. Cloulas J. (1979) *Catherine de Médicis*, Paris: Fayard, 742 p.

11. Constant J.-M. (1984) *Les Guise*, Paris: Hachette, 266 p.

12. Crawford K. (2015) From Peception to Assassination. French Negotiations of «Platonic Love», *Men and Women. Making Friends in Early Modern France* (Eds L. C. Seifert, R. M. Wilkin), Farnham, Burlington: Ashgate, pp. 119–134.

13. Debragi Baranova T. (2012) *A coups de libelles: une culture politique au temps des querres de religion (1562–1598)*, Genève: Droz, 520 p.

14. Desimon R. (2001) Varfolomeevskaya noch' i parizhskaya «ritual'naya revolyutsiya» [Night of Saint Bartholomew and the ritual revolution of Paris], *Varfolomeevskaya noch': Sobytie i spory, Sbornik statey* (Ed. P. Yu. Uvarov), Moscow: RGGU, pp. 138–189. (in Russian)

15. Dickerman E. H. (1978) Henri III of France, Student of Prince, *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*, vol. 40, n. 2, pp. 281–288.

16. Diefendorf B. (1991) *Beneath the Cross. Catholics and Huguenots in the Sixteenth-Century Paris*, New York/Oxford: Oxford University Press, 272 p.

17. Dmitriev M. V. (2015) «Bons et naturels français». Katolitsizm i diskursy frantsuzskoy identichnosti v gody Parizhskoy ligi [«Bons et naturels français». Catholicism and discurses of French identity under the Paris ligue], *Religioznye voyny vo Frantsii XVI v. Novye istochniki,*

novye issledovaniya, novaya periodizatsiya, Saint-Petersburg/Moscow: Evraziya, ID Klio, pp. 241–268. (in Russian)

18. Dupra A. (2002) *Les rois de papier: La caricature du Henri III à Louis XVI*, Paris: Belin, 367 p.

19. El'fond I. Ya. (1991) *Tiranobortsy: Iz istorii frantsuzskoy politicheskoy mysli XVI v.* [Tyraniccides: From the history of French political thought of the 16th century], Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 142 p. (in Russian)

20. Forneron H. (1877) *Les ducs de Guise et leur époque: Étude historique sur le seizième siècle*, Paris: E. Plon et Cie, vol. 1, 420 p.; vol. 2, 448 p.

21. Hazon de Saint-Firmin J. (1913) *Deux témoins de l'assassinat du duc de Guise à Blois, les abbés Claude de Bulles et Étienne d'Orguyn*, Blois: Impr. de R. Breton, 20 p.

22. Hazon de Saint-Firmin J. (1913) *Un assassin du duc Henri de Guise, François II de Montpezat, baron de Laugnac, capitaine des Quarante-Cinq, 1566–1590*, Blois: A. Picard, 72 p.

23. El Kenz D. (1998) L'assassinat du duc de Guise, *L'Histoire*, n. 225, pp. 60–63.

24. El Kenz D. (2003) La propagande et le problème de sa réception, d'après les mémoires-journaux de Pierre de L'Estoile, *Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique*, vol. 90–91, pp. 19–32.

25. Estoile P., de (1943) *Journal pour le règne de Henri III (1574–1589), Texte intégral présenté et annoté par Louis-Raymond Lefèvre*, Paris: Gallimard, 777 p.

26. Imprimerie Impèriale (1862) *Négociations diplomatiques de la France avec la Toscane, Documents recueillis par Giuseppe Canestri et publié par Abel Desjardins*, Paris: Imprimerie Impèriale, vol. IV, 892 p.

27. Kantorovich E. Kh. (2013) *Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoy politicheskoy teologii* [The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology] (Trans. M. A. Boytsova, A. Yu. Seregina), Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara, 744 p. (in Russian)

28. Knecht R. J. (2014) *Hero or Tyrant? Henry III, King of France, 1574–89*, Farnham: Ashgate, 369 p.

29. Konnert M. (2006) *Local Politics in the French Wars of Religion: The Towns of Champagne, the Duke de Guise and the Catholic League, 1560–95*, Aldershot: Ashgate Publishing Company, 300 p.

30. Konstan Zh.-M. (2005) *Povsednevnaya zhizn' frantsuzov vo vremena religioznykh voyn* [Routine life of Frenchmen in the time of the Religious wars] (Trans. from French E. V. Morozova), Moscow: Molodaya gvardiya, 341 p. (in Russian)

31. Kruze D. (2015) Istoriya naiznanku? Korol' i religioznyy raskol vo Frantsuzskom korolevstve v XVI veke [History of science? King and religious schism in the French kingdom of the 16th century], *Religioznye*

voyny vo Frantsii XVI v. Novye istochniki, novye issledovaniya, novaya periodizatsiya, Saint-Petersburg; Moscow: Evraziya, ID Klio, pp. 269–294. (in Russian)

32. Kruze D. (2005) Korol' i nasilie: Iz istorii frantsuzskogo absolyutizma XVI v. [King and violence: From history of the 16th century French absolutism], *Frantsuzskiy ezhegodnik 2005: Absolyutizm vo Frantsii. K 100-letiyu B. F. Porshneva (1905–1972)* (Ed. Yu. V. Tkachenko), Moscow: Editorial URSS, pp. 166–191. (in Russian)

33. Kruze D. (2001) Monarkhicheskaya vlast' i tainstvo smysla: Soobshchenie o Varfolomeevskoy rezne [The monarch power and mistery of sense: Message on the carnage of St. Bartholomew], *Varfolomeevskaya noch': Sobytie i spory, sbornik statey* (Ed. P. Yu. Uvarov), Moscow: RGGU, pp. 102–137. (in Russian)

34. Le Roux N. (1997) Le point d'Honneur, la Faveur et le sacrifice: Recherché sur le duel des mignons d'Henri III, *Histoire, économie et societé*, vol. 16, n. 4, pp. 579–595.

35. Le Person X. (2002) *«Practiques» et «practiqueurs»: La vie politique à la fin du règne de Henri III (1584–1589)*, Genève: Droz, 658 p.

36. Le Roux N. (2000) *La faveur du roi: mignons et courtisans au temps des derniers Valois (vers 1547 – vers 1589)*, Seyssel: Éditions Champ-Vallon, 805 p.

37. Long K. P. (2006) *Hermaphrodites in Renaissance Europe. Women and Gender in the Early Modern World*, Aldershot: Ashgate Publishing Company, 278 p.

38. Lozinskiy A. A. (1956) Bor'ba za vlast' v parizhskom munitsipalitete posle «dnya barrikad» (1588 – nachalo 1589 g.) [The struggle for power in the municipality of Paris after the «day of the barricades» (1588 – beginning of 1589)], *Srednie veka*, 1956, n. 8, pp. 257–294. (in Russian)

39. Luchitskiy I. V. (1877) *Katolicheskaya liga i kal'vinisty vo Frantsii. Opyt istorii demokraticheskogo dvizheniya vo Frantsii vo vtoroy polovine 16 veka (po neizdannym istochnikam)* [The Catholic league and the Calvinists in France. An attempt of the history of democratic movement in France in the second half of the 16th century (basing on the unpublished sources)], Kiev: Universitetskaya tipografiya, vol. 1, 634 p. (in Russian)

40. Makiavelli N. (2004) *Sochineniya istoricheskie i politicheskie. Sochineniya khudozhestvennye. Pis'ma* [Historical and political works. About art. Letters.], Moscow: Pushkinskaya biblioteka, Izdatel'stvo AST, 819 p. (in Russian)

41. Matthieu P. (1990) *La Guisiade, édition établie, présentée et annotée par Louis Lobbes*, Genève: Droz, 229 p.

42. Mun'e R. (2008) *Ubiystvo Genrikha IV (14 maya 1610)* [Murder of Henry IV (14 May 1610)] (Eds M. Yu. Nekrasov, V. V. Shishkin, P. Yu. Uvarov), Saint-Petersburg: Evraziya, 415 p. (in Russian)

43. Ozoling A. E. (1988) *Frantsuzskaya pamfletistika pri Starom poryadke* [French pamphlets under the old order], Ot Starogo poryadka k Revolyutsii. K 200-letiyu Velikoy frantsuzskoy revolyutsii, mezhvuzovskiy sbornik (Ed. V. G. Revunenkova), Leningrad: Izdatel'stvo LGU, pp. 51–63. (in Russian)

44. Pallier D. (1975) *Recherches sur l'imprimerie à Paris pendant la Ligue, 1585–1594*, Genève: Droz, 573 p.

45. Potter D. (1995) Kingship in the Wars of Religion: The Reputation of Henry III of France, *European History Quarterly*, n. 25, pp. 484–527.

46. Richet D. (1991) *De la Réforme à la Révolution. Études sur la France moderne*, Paris: Aubier, 584 p.

47. Sedgwick D. (1938) *The House of Guise*, New York: The Boobs-Merrill Co, 324 p.

48. Shishkin V. V. (2015) Knigi Genrikha III Valua v Rossiyskoy natsional'noy biblioteke [French autographs of the age of the Religious wars (1559–1598) in the National Library of Russia in St. Petersburg], *Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* (Ed. A. Yu. Prokop'ev), vol. 12, Saint-Petersburg: PRAVO, pp. 410–423. (in Russian)

49. Shishkin V. V. (2004) *Korolevskiy dvor i politicheskaya bor'ba vo Frantsii v XVI–XVII vekakh* [The royal Court and the political struggle in France in the 16–17th centuries], Saint-Petersburg: Evraziya, 288 p. (in Russian)

50. Shishkin V. V. (2015) «Satiricheskiy razvod» 1607 g.: Gugenotskiy pamflet? (rukopis' XVII v. iz Rossiyskoy natsional'noy biblioteki v Sankt-Peterburge) [«The Satirical divorce» 1607: The Huguenot pamphlet? (on the 17th century manuscript conserving in the National Library of Russia in St.Petersburg)], *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikatsii po teologii i religii* (Ed. A. M. Prilutskiy), Saint-Petersburg: Skifiya-Print, vol. IV, pp. 308–333. (in Russian)

51. Sluhovsky M. (1998) *Patroness of Paris: Rituals of devotion in early modern France*, Leiden: Brill, 266 p.

52. Smith M. (1996) Complots, révolte et tempéraments nationaux: Français et Italiens au XVIe siècle, *Complots et conjurations dans l'Europe moderne. Actes du colloque international organisé par l'École française de Rome (Rome, 30 septembre – 2 octobre 1993)* (Eds Y.-M. Bercé, E. Fasano Guarini), Rome: École Française de Rome, pp. 93–115.

53. Teasley D. (1987) The Charge of Sodomy as a Political Weapon in Early Modern France: The Case of Henri III in Catholic League Polemic, 1585–1589, *Maryland Historian*, vol. 18, n. 1, pp. 17–30.

54. Ternaux J.-C. (2008) La Diabolisation dans «La Guisiade» (1589) de Pierre Matthieu et «Le Guysien» (1592) de Simon Bélyard, *Études Épistémè* [En ligne], n. 14, pp. 1–18, URL: http://episteme.revues.org/719 (23. 09. 2016).

55. Thou J.-A., de (1734) *Histoire universelle depuis 1543 jusqu'en 1607*, vol. X, 1587–1588, Londres: Defontaines, 1734, 767 p.

56. Uvarov P. Yu. (1992) *Donesenie agenta-dvoynika* [A report of an twin-agent], Moscow: Prometey, 48 p. (in Russian)

57. Uvarov P. Yu. (2001) Novye versii starogo prestupleniya [New versions of the old crime], *Varfolomeevskaya noch': Sobytie i spory, sbornik statey* (Ed. P. Yu. Uvarov), Moscow: RGGU, pp. 7–18. (in Russian)

58. Uvarov P. Yu. (1995) Religioznye voyny i tiranoborchestvo vo Frantsii XVI veka [Religious wars in France and tyrannicide of the 16th century], *Srednevekovaya Evropa glazami sovremennikov i istorikov*, Moscow: Interpraks, pp. 6–26. (in Russian)

59. Vaissière P., de (1912) *Récits du temps des troubles (XVIe siècle). De quelques assassins. Jean Poltrot, Seigneur de Méré; Charles de Louviers, Seigneur de Maurevert; Jean Yanowitz, dit Besme; Henry III et les «Quartante-cinq»; Jacques Clément*, Paris: Emile-Paul, 415 p.

60. Verdier A., du (1606) *Prosopographie, ou description des personnes illustres, tant chrestiennes que prophanes: Ou se continvant l'histoire et chronologie*, Lyon: Paul Frelon, 806 p.

61. Vivent J. (1946) *La tragédie de Blois. Le roi de France et le duc de Guise, 1585–1588*, Paris: Hachette, 285 p.

62. V'enno E. (2015) Preimushchestvennoe pravo muzhchiny i frantsuzskiy dukh monarkha lilii: Obsuzhdenie Salicheskoy pravdy i sozdanie natsional'nogo konsensusa vo vremya posledney religioznoy voyny XVI stoletiya [Masculinity and features of the monarch of the lilies: Debate over the Salic law and the construction of the national consensus during the last Civil war in the 16th century], *Religioznye voyny vo Frantsii XVI v. Novye istochniki, novye issledovaniya, novaya periodizatsiya*, Saint-Peterburg; Moscow: Evraziya, ID Klio, 2015, pp. 227–240. (in Russian)

63. Walker A. M., Dickerman E. H. (1998) The King who would be Man: Henri III, Gender Identity and the Murders at Blois, 1588, *Historical Reflections/Réflexions Historiques*, vol. 24, n. 2, pp. 253–281.

64. Wilkinson A. S. (2004) «Homicides royaux»: The assassination of the Duc and Cardinal de Guise and the radicalization of French public opinion, *French History*, n. 18, issue 2, pp. 129–153.

65. Yampol'skiy M. (2004) *Fiziologiya simvolicheskogo* [Physiology of the symbolic], vol. 1: Vozvrashchenie Leviafana: Politicheskaya teologiya, reprezentatsiya vlasti i konets Starogo rezhima [Return of Leviathan: Political Theology, representation of power and the end of the old regime], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 800 p. (in Russian)

Рис. 1. Герцог Генрих де Гиз, по прозвищу «Меченый». Париж, Музей Карнавале.
Источник: Le guerres de Religion. 1547–1610 / Préface de P. Miquel. Paris: Librarie Larousse, 1986.

Рис. 2. «Скит, уготованный для Генриха Валуа». Гравюра XVI в.
Источник: Dupra A. Les rois de papier: La caricature du Henri III à Louis XVI.

Рис. 3. «Снятие лживой личины великого лицемера Франции» Гравюра XVI в.
Источник: Wilkinson A. S. «Homicides royaux»: The assassination of the Duke and Cardinal de Guise and the radicalization of French public opinion.

Рис. 4. (*наверху*) Генрих III в образе Химеры. Гравюра XVI в. Источник: El Kenz D. L'assassinat du duc de Guise.

Рис. 5. *(справа)* Убийство Генриха III. Гравюра XVI в. Париж. Национальная библиотека.
Источник: Le guerres de Religion. 1547–1610 / Préface de P. Miquel. Paris: Librarie Larousse, 1986.